

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

СПЯЩИЙ ПРОСЫПАЕТСЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

В настоящем издании публикуется перевод последней авторской редакции романа, впервые напечатанного под названием «Когда Спящий проснется» («When the Sleeper Wakes») в 1899 г.

Глава I

БЕССОННИЦА

Однажды, в послеполуденный час, молодой художник Избистер, поселившийся в Боскасле, отправился пешком к живописному морскому гроту в Пентаргене, намереваясь изучить во время отлива здешние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке, ведущей к пентаргенскому пляжу, он наткнулся на человека, который с видом крайнего отчаяния сидел под нависающей каменной глыбой. Руки его вяло свисали с коленей, лицо было мокрым от слез, а покрасневшие глаза уставились в пространство.

Заслышав шаги Избистера, человек оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер, и, чтобы преодолеть неловкость, вызванную невольной паузой, он многозначительно заметил, что погода стоит жаркая для этого времени года.

— Даже очень, — коротко ответил незнакомец и, задумавшись на секунду, невыразительным голосом добавил: — Я не могу спать.

Избистер резко остановился возле него.

— Не можете спать? — только и сумел произнести он, но в его тоне явно чувствовалось желание помочь.

— Возможно, это звучит невероятно, — сказал незнакомец, глядя в лицо Избистеру и подчеркивая свои слова слабым движением руки, — но я уже шесть ночей не сомкнул глаз.

— Вы советовались с врачом?

— Да. Его советы по большей части для меня не годятся. Успокоительные средства. Понимаете, моя

нервная система... Все они хороши для обычных людей. Это трудно объяснить. Я не отваживаюсь принимать... достаточно сильные снотворные.

— Это усложняет дело, — сказал Избистер.

Он озадаченно стоял на узкой тропинке, не зная, что делать дальше. Этот человек явно хотел поговорить. Мысль, вполне естественная в таких обстоятельствах, подсказала художнику ход дальнейшей беседы.

— Сам я никогда не страдал бессонницей, — сказал он скучным тоном, — но в случаях, которые мне известны, люди обычно находили что-то...

— Я опасаясь экспериментов, — усталым голосом произнес незнакомец и безнадежно махнул рукой.

— А физические упражнения? — неуверенно предложил Избистер, переводя взгляд с лица собеседника на его костюм туриста.

— Именно это я и попробовал. И поступил, по-видимому, не слишком умно. Я двигался вдоль берега день за днем — от самого Нью-Куэя. И только добавил мышечную усталость к нервной. Причины этого расстройства — переутомление, тревога... К тому же...

Он замолчал, словно от усталости ему трудно было говорить. Затем, коснувшись лба исхудалой рукой, продолжал, как бы беседа с самим собой:

— Я один, словно волк, ушедший из стаи. Скитаюсь по свету, который мне чужд. Ни жены нет у меня, ни детей. Кто это сказал о бездетных людях, что они — усохшие ветви на дереве жизни? Да, ни жены, ни детей. Не могу найти себе занятия. Сердце мое свободно от желаний. И в конце концов я решил взяться за определенное дело.

Я сказал себе: «Ты просто должен это сделать». Но чтобы начать, нужно было преодолеть инерцию моего отупевшего тела. Я прибегнул к лекарствам. Боже, сколько я их перепробовал! Не знаю, ощущали ли вы когда-нибудь это тяжкое неудобство от собственного

организма, эту раздражающую настойчивость, с которой он отбирает время у вашего сознания, и время это — жизнь! Жизнь! Мы живем урывками. Мы обаяны есть, но после этого наступает либо тупая сытая удовлетворенность, либо наоборот — возбуждение. Нам необходимо дышать свежим воздухом, иначе мысли становятся ленивыми, глупыми и заводят нас в глухие закоулки и тупики. Тысячи отвлекающих ощущений вторгаются в наше сознание извне и изнутри, а затем приходят сонливость и дремота. Похоже, люди живут для того, чтобы спать. Сколь малая часть дня, прожитого человеком, принадлежит ему самому — даже в самом лучшем случае! А потом появляются эти фальшивые друзья, эти помощники-душители, эти алкалоиды, которые подавляют естественное утомление и убивают сон — черный кофе, кокаин...

— Я понимаю, — сказал Избистер.

— Наконец я закончил свою работу, — жалобно произнес человек, страдающий бессонницей.

— И теперь расплачиваетесь?

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Вы представить себе не можете, как страстно я желаю заснуть. Это сродни голоду или жажде. Уже шесть долгих дней и ночей — с момента, как я завершил свой труд, — в мозгу моем бушует водоворот мыслей, нескончаемый вихрь, одновременно стремительный — и стоящий на месте, бурный — и никуда не ведущий. Он неудержимо толкает меня... — Незнакомец сделал паузу. — Толкает меня в бездну.

— Вы должны уснуть, — решительно сказал Избистер, с таким видом, словно открыл спасительное средство. — Определенно, вам необходимо уснуть.

— Мой ум ясен, как никогда прежде. Однако я чувствую, что меня затягивает водоворот. И теперь...

— Что теперь?

— Видели когда-нибудь, как предметы исчезают в пучине, уходят от света дня, из этого доброго, осмысленного мира — вниз?..

— Однако... — запротестовал Избистер.

Незнакомец вдруг протянул к нему руку, в его глазах появился дикий блеск, голос сорвался на крик.

— Я должен покончить с собой. Пусть даже в этой темной бездне под утесом, в зеленых волнах. Смотрите, белая пена вздымается и опадает там, куда стекает тонкая струйка водопада. Там, по крайней мере... сон.

— Но это безрассудство, — возразил Избистер; его напугал истерический взрыв эмоций, охвативших незнакомца. — Уж лучше лекарства.

— Там, по крайней мере, сон, — повторил незнакомец, не обращая внимания на его слова.

Избистер посмотрел на него.

— Знаете ли, это не наверняка. Похожий обрыв есть возле Лалуортской бухты — такой же высокий, по крайней мере. Так с него упала маленькая девочка, с самого верха. И представьте себе, осталась жива и здорова.

— Ну, а эти скалы внизу?

— На них можно пролежать всю ночь. Ледяная вода будет перекатываться через ваше тело, а изломанные кости скрипеть, когда вы будете дрожать от холода. Каково?

Их глаза встретились.

— Жаль, что приходится вас разочаровывать, — продолжал Избистер тоном холодного безразличия, — но покончить с собой, бросившись с этого — или любого другого — утеса, мне как художнику, — он рассмеялся, — представляется несомненным любительством.

— Но с другой стороны, — раздраженно сказал человек, страдающий бессонницей, — с другой стороны, невозможно сохранить рассудок, если ночь за ночью...

— Вы идете вдоль берега один?

— Да.

— И глупо поступаете, простите меня за грубость.

Один! Вы же сами сказали: физическая усталость не лечит от нервного переутомления. Кто вам это посоветовал? Чему тут удивляться, хороша прогулка! Солнце над головой, жара, усталость, одиночество, и так весь день, а потом, полагаю, добравшись до кровати, вы изо всех сил стараетесь заснуть. Так?

Избистер умолк и вопросительно посмотрел на страдальца.

— Взгляните на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец и взмахнул рукой, не вставая с места. — Взгляните на это море, которое сверкает и трепещет здесь из века в век! Посмотрите на белую пену, падающую во тьму под этим утесом! На голубой купол, с которого льются лучи ослепительного солнца. Это ваш мир! Вы принимаете его, он вас радует. Он согревает, поддерживает вас, вы наслаждаетесь им. Но для меня...

Он поднял голову. Его мертвенно-бледное лицо с воспаленными, выцветшими глазами и бескровным ртом было страшно. Он произнес почти шепотом:

— Это лишь облачение моего несчастья. Весь мир... великолепная риза моего страдания.

Избистер взглянул на дикую красоту залитых солнцем утесов, затем на полное безысходности лицо незнакомца. С минуту длилось молчание. Потом художник сделал нетерпеливый жест и заговорил.

— Сон вернется к вам, — сказал он. — И вы не будете во всем видеть только страдание. Даю вам слово.

Теперь он был уже уверен, что эта встреча не случайна. Еще час назад он ощущал ужасающую скуку. Теперь появилась задача, одна мысль о которой вызывала у него восхищение самим собой. Она немедленно захватила его полностью. Он понял, что этому изможденному существу прежде всего необходимо участие.

Избистер опустился на крутой, травянистый склон рядом с неподвижно сидящей фигурой и попытался развлечь незнакомца болтовней.

Слушатель, однако, впал в апатию; он уныло смотрел на море, отвечая только на прямые вопросы Избистера, да и то не на все. С другой стороны, он не возражал против благожелательного вмешательства в его отчаянное положение.

Казалось, он был даже благодарен за это, и, когда Избистер, чувствуя, что его красноречие, не встречая отклика, начинает иссыхать, предложил снова подняться по крутизне и пройти в сторону Боскасла, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он спокойно подчинился. Пройдя половину пути наверх, он начал говорить сам с собой и вдруг повернул бледное лицо к Избистеру.

— К чему это приведет? Все кружится, кружится, кружится. Все непрестанно вертится, вертится — и этому вращению нет конца.

Он остановился, описывая круги рукой.

— Все будет в порядке, старина, — приятельским тоном успокоил его Избистер. — Не волнуйтесь. Доверьтесь мне.

Незнакомец безвольно опустил руку. Они перешли через край обрыва и вышли на мыс за Пеналли, а человек, лишившийся сна, все жестикулировал и бормотал обрывки фраз, возникающих в его взвихренном мозгу. С мыса открывался вид на мрачный и таинственный пейзаж Блэкапита. Они остановились, и незнакомец присел на минуту передохнуть. Когда тропинка расширилась настолько, что позволила им идти рядом, Избистер продолжил разговор. Он начал было распространяться о трудностях проводки судов в Боскасскую гавань при плохой погоде, но спутник неожиданно и, пожалуй, не к месту перебил его.

— Голова у меня не та, что раньше, — сказал он, — совсем не та. Я ощущаю какую-то тяжесть, угнетен-

ность. Но — не сонливость, а бог его знает что! Это словно тень, глубокая тень, быстро и внезапно окутывающая нечто деятельное, активное. Все кружится, кружится и погружается во тьму. Замешательство в мыслях, смятение, водоворот за водоворотом. Не могу этого выразить. Не могу сосредоточиться на этом ощущении, чтобы объяснить вам.

Он умолк.

— Не беспокойтесь, старина, — сказал Избистер. — Кажется, я понял. Во всяком случае, сейчас не время вдаваться в объяснения.

Незнакомец принялся тереть глаза кулаками. Избистер продолжал свою болтовню, и вдруг ему в голову пришла новая идея.

— Пойдемте ко мне, — предложил он, — посидим, покурим. Могу показать вам свои этюды Блэкапита, если вы не против.

Его спутник послушно поднялся и последовал за художником по склону. Он двигался медленно, неуверенно и несколько раз споткнулся во время спуска.

— Заходите, — сказал наконец Избистер. — Выкурите сигарету. Глоток спиртного вам тоже, думаю, не повредит. Вы вообще употребляете алкоголь?

Незнакомец задержался у садовой калитки. Кажется, он не отдает себе отчета в своих действиях.

— Я не пью, — медленно произнес он, вступая на дорожку, и, спустя минуту, с отсутствующим видом повторил: — Нет... я не пью. Все идет кругом. Все кружится, вращается... — Споткнувшись на крыльце, он вошел в дом походкой незрячего человека.

В комнате незнакомец тяжело опустился в кресло. Согнулся, обхватил лоб руками и застыл в неподвижности. Из его груди вырвался слабый стон.

Избистер, не привыкший принимать гостей, спокойно расхаживал взад-вперед, произнося короткие фразы, которые вряд ли требовали ответа. Прошел

в другой конец комнаты за папкой этюдов, положил ее на стол и взглянул на каминные часы.

— Не согласитесь ли поужинать со мной, — сказал он, держа в руке незажженную сигарету и думая, как бы незаметно заставить гостя принять хлоралгидрат. — У меня есть только холодная баранина, но замечательно приготовленная. По-уэльски. И кажется, еще пирог.

Он помолчал и повторил свое предложение. Незнакомец не отвечал. Избистер остановился с зажженной спичкой в руке и посмотрел на него.

Молчание затягивалось. Спичка догорела, сигарета осталась нераскуренной, и Избистер положил ее на стол. Человек в кресле оставался совершенно неподвижным. Избистер взял папку, открыл ее, неуверенно положил назад.

— А может быть... — произнес он шепотом. Посмотрел на дверь, потом снова на фигуру в кресле. Затем крадучись, на цыпочках вышел из комнаты, оглядываясь на гостя при каждом шаге.

Дверь комнаты он затворил бесшумно. Входная дверь была распахнута в сад, он сошел с крыльца и остановился возле аконита, росшего в углу цветочной грядки. С этого места он мог видеть через открытое окно недвижимую и смутную фигуру незнакомца, сидевшего, опустив голову на руки. Он так и не изменил позы.

Несколько детей, проходивших по улице, остановились и с любопытством уставились на художника. Какой-то лодочник поздоровался с ним. Избистер почувствовал, что его настороженный вид привлекает внимание прохожих, и решил закурить, чтобы выглядеть естественнее. Он вытащил из кармана кисет, трубку и не спеша стал ее набивать.

— Странно, — сказал он, чувствуя, как его покидает прежнее чувство самодовольства. — Что ж, во всяком случае, надо дать ему такую возможность.

И, решительно чиркнув спичкой, принялся раскуривать трубку.

Позади послышались шаги квартирной хозяйки — она вышла из кухни с зажженной лампой. Избистер повернулся, замахал трубкой и успел задержать хозяйку на пороге гостиной. Шепотом он кое-как попытался объяснить ей, в чем дело, — ведь она ничего не знала о его госте. Хозяйка удалилась вместе с лампой, судя по всему, не вполне удовлетворенная объяснениями, а он остался возле крыльца, чувствуя себя очень неловко.

Прошло порядочно времени после того, как он докурил трубку, и летучие мыши уже вылетели на ночную охоту, когда любопытство возобладало наконец над нерешительностью и он пробрался обратно в темную гостиную. Остановился возле дверей. Незнакомец сидел все в той же позе — темная фигура на фоне окна. Вечер был тихий — только из гавани, с одного из суденышек, перевозивших сланец, доносилось пение. В саду побеги аконита и дельфиниума стояли прямо и неподвижно, за ними вздымался темный склон холма. Неожиданно в мозгу Избистера мелькнула догадка. Он вздрогнул и, наклонившись через стол, прислушался. Зловещее подозрение усилилось и превратилось в уверенность. Изумление сменилось ужасом.

Ни малейшего звука не исходило от сидящей фигуры, ни намека на дыхание!

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, дважды останавливаясь, чтобы прислушаться. Наконец рука его дотронулась до спинки кресла. Он нагнулся, почти коснувшись ухом головы сидящего.

Затем чуть присел и, заглянув в лицо своего гостя, отшатнулся. Избистер вскрикнул: вместо глаз он увидел пустые белые пятна.

Вглядевшись внимательнее, художник понял, что глаза незнакомца открыты, но зрачки закатились под веки. Избистер испугался. Он схватил гостя за плечо и стал трясти.

— Вы спите? — спросил он дрожащим голосом и повторил: — Вы спите?

Теперь он был почти уверен, что этот человек умер. Он вдруг засуетился, заметался по комнате и, наткнувшись на стол, позвонил.

— Пожалуйста, принесите побыстрее лампу, — крикнул он в коридор. — С моим другом плохо.

Он вернулся к неподвижной фигуре незнакомца, снова потряс его за плечи, окликнул. Вошла хозяйка с лампой, и комната наполнилась желтым сиянием. Избистер, моргая, повернул к хозяйке побледневшее лицо.

— Нужен врач, — сказал он. — Он либо мертв, либо в обмороке. Есть в этой деревне врач? Где тут можно найти врача?

Глава II ЛЕТАРГИЯ

Состояние каталептического оцепенения, в которое впал незнакомец, длилось необычайно долго, а затем наступило расслабление, и тело стало мягким, как при глубоком сне. Тогда и удалось закрыть его глаза.

Из гостиницы его доставили в боскаслскую больницу, а оттуда через несколько недель перевезли в Лондон. Однако все попытки разбудить его были напрасны. А через некоторое время по причинам, которые будут разъяснены позднее, они были вовсе прекращены. Очень долго он пролежал в этом странном состоянии, бесчувственный и недвижимый — не живой и не мертвый, словно подвешенный между бытием и небытием. Он находился во тьме, куда не проникал ни малейший луч мысли или чувства. Это была лишенная сновидений пустота, ничем не нарушаемый бескрайний покой. Смятение его разума все нарастало и уси-

ливалось, пока в момент кульминации вдруг не оборвалось абсолютным молчанием, полнейшей тишиной. Где был теперь этот человек? Где оказываются люди, когда все чувства оставляют их?

— Кажется, что это случилось только вчера, — сказал Избистер. — Я помню все так ясно, словно это произошло вчера, даже еще более четко.

Это был тот же Избистер, что и в предыдущей главе, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые и несколько более длинные, чем требовала мода, стали серо-стальными и были коротко острижены, а лицо, некогда свежее и румяное, пожелтело и осунулось. В остроконечной бородке тоже пробивалась седина. Избистер беседовал с пожилым человеком, одетым в летний тиковый костюм, — лето в этот год выдалось исключительно жаркое. Это был Уорминг, лондонский поверенный и близкий родственник Грэма — человека, впавшего в летаргию. Собеседники стояли рядом в комнате лондонского дома и смотрели на неподвижное тело.

Перед ними на резиновом матрасе, наполненном водой, лежала странная фигура в длинной свободной рубашке — человек с изможденным желтым лицом, щетинистой бородой и отросшими ногтями на худых руках. Человек был помещен в прозрачный футляр из тонкого стекла. Стекло, казалось, выделяло спящего из окружающей его реальной жизни, он — этот странный и противоестественный феномен — был как бы обособлен от всего. Собеседники сквозь футляр разглядывали лежащего.

— Я был потрясен, — сказал Избистер. — До сих пор становится не по себе, как вспомню его пустые глаза. Совершенно белые, закатившиеся. Приехал сюда и как бы заново все переживаю.

— И вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.